

Сергей Александрович Лёвин — член Союза писателей России, Союза журналистов России, лауреат всероссийских и международных творческих конкурсов и фестивалей («Поэзия русского слова», «Берега дружбы», «Хрустальный родник» и др.), автор 15 книг для взрослых и детей, публикаций в литературных альманахах «День литературы», «Север», «Дон», «Родная Кубань», «Перископ», «Волга. XXI век», «Краснодар литературный» и др. Его творческая работа отмечена региональных наград. Проживает в Анапе.

Сергей Лёвин

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДИПТИХ

Рассказ

Много всякого можно извлечь из собственной памяти: жизнь событиями полна. Но есть истории, которые не хочешь вспоминать. Писать о них тем более неприятно. Однако случается стадия неконтролируемого творческого мазохизма, когда не можешь молчать и, борясь с внутренним сопротивлением, рассказываешь, как с тобой однажды приключилось что-то не слишком хорошее или даже совсем скверное, режешь себе сердце тупым ножом. И стыдно становится. И горько, что ты так гадко вляпался. Но ведь пишешь!

Расскажу-ка я вам пару таких историй. Стисну зубы и расскажу. Только не бейте...

1

Я вышел из дома рано, чтобы не опоздать на первую пару в универ: надо было успеть на отправляющийся без двадцати семь автобус «Котовск–Тамбов». Шел привычной тропой по хмурому осеннему парку, пропахшему влажной листвой, как вдруг ко мне подбежала дворняга.

Закоренелый кошатник, собак я не люблю и даже побаиваюсь, хотя, Бог милостив, они никогда меня не кусали. В то

утро мне повстречалась небольшая крепкая сучка, светлая, короткошерстная, смахивающая на бультерьера. Таких бестий больше всего опасаются: много страшного рассказывают об их мизантропическом нраве и крепких челюстях, способных запросто перемолоть даже крупную кость.

Впрочем, дворняга агрессии не проявляла, деловито пристроилась рядом и с любопытством посматривала по сторонам. Бежала молча и с таким видом, что так все и задумано: хозяин вывел погулять любимого питомца.

— И чего ты ко мне привязалась? — спросил я попутчицу. Она не отреагировала. Так мы дотопали до автовокзала.

Всю дорогу меня не оставляло чувство неловкости. Будто собака доверилась незнакомому человеку — возможно, напомнившему ей потерянного хозяина. Только тот отчего-то отказывался ее признать и всем своим видом демонстрировал полнейшее безразличие.

Я с надеждой смотрел на автобус, ожидая, когда же он распахнет двери. Собака невозмутимо сидела рядом.

Народ начал набиваться в старенький пазик, прозванный «скотовозом». Я привычно ввинтился в плотную, состоящую, казалось, из одних локтей и коленок биомассу братьев-студентов, стремящихся занять сидячее место, оглянулся, увидев, что бультерьер не отстает, и попытался затеряться в толпе. Однако спутница упорно лавировала между человеческих ног и просительно смотрела на меня маленькими умными глазами.

— Ой, собака! — всплеснула руками дама средних лет. — Эй, чье это животное?

Народ оживился — какое-никакое развлечение! — а дворняга внезапно совершила кульбит: догадавшись, что говорят о ней, стала стремительно вращаться вокруг своей оси, будто стараясь поймать короткий хвост.

— Да она дрессированная! — воскликнул дядька в спортивной кофте «адидас», а бультерьер, обрадовавшись вниманию, закружился еще быстрее.

— Она, случаем, не бешеная?

— Может укусить. Сорок укулов тогда в живот. Как пить дать. Ленку прошлой весной кололи.

— А ну, пшла отсюда! Кыш!

Настроение резко менялось, по салону раскатывались громкие голоса, а собака танцевала, пытаясь понравиться всем и сразу, пока какой-то ретивый мужик не пнул ее ногой.

Бультерьер остановился и почти умоляюще посмотрел на меня, но я отвел глаза и с показным интересом стал изучать через окно старое здание автовокзала. Собака закружилась снова, но толпа завелась. Нам ведь не нравится, когда происходит что-то нестандартное, выходящее за привычные рамки. Взвизги стали острее, ропот недовольнее.

Мою утреннюю попутчицу вытолкнули из автобуса.

Я не видел, что с ней случилось: осталась она на вокзале или побежала искать людей подороже. Но всю дорогу до Тамбова меня подташнивало от собственной бесхребетности: мог же сказать хоть словечко в защиту животного, на безмолвную просьбу «помоги!» ответить обычной лаской, рукой провести по шерстке, за ухом почесать. Мог. Но не стал...

Этот случай много лет не дает мне покоя, но только сейчас я впервые о нем рассказал. Поверьте, это было непросто.

...Случилось это зимой. Или глубокой осенью. В памяти — лишь обильный снег. Он третий день подряд заваливал Котовск, создавая уйму проблем коммунальщикам, не успевающим чистить дороги и тротуары, и раздражая измученных затянувшейся непогодой, обозленных жителей.

Люди защищали лица, заматываясь по глаза шарфами или намазывая на кожу толстый слой липкого крема. Мне не подходило ни то, ни другое.

Однажды вечером я шел по городу с другом Сергеем по прозвищу Центнер, добродушным толстым великаном выше меня на голову и раза в два шире. Было нам тогда лет по двадцать. Мы торопились к подруге Анаконде — выпить стопку-другую самогона. Идти от нашего дома (мы соседствовали на одной лестничной площадке) недолго, пару кварталов, но проклятый снег мел в лицо, ноги вязли в сугробах, и мы двигались куда медленнее, чем хотелось.

На моих не слишком роскошных усах и жидкой бороде выросли сосульки, из-за злющего северного ветра казалось, что ледяные крупинки рассекают кожу до крови. Премерзкая стояла погода, скажу я вам.

Но мы стойчески продирались сквозь метель и миновали примерно девять десятых пути — из-за угла городского почтамта уже показался дом Анаконды.

Тогда-то мы и увидели старушку.

Она переступала еле-еле, практически ползла, опираясь на грубые деревянные костыли, сторбленная и перекошенная, одетая в бесформенную черную фуфайку и замотанная в шерстяные платки, похожая на неуклюжее гигантское насекомое или инопланетянина, сосланного мотать срок в промерзшую российскую глубинку. Не человек — шаткая, разваливающаяся конструкция, срок годности которой давным-давно истек.

Когда мы поравнялись, она проскрипела:

— Сыночки, помогите, пожалуйста. Проводите до дома.

Она была очень больная и несчастная. Ее было жалко до судорог. Но нам слишком хотелось в гости, в тепло... и было так неохота возиться с бабкой. Где она живет? Далеко ее вести? Что вообще делать с этими уродливыми костылями и старческими костями в эту безумную погоду?

И мы смалодушничали. Прошли мимо, не услышали, не заметили и не поняли. И друг другу даже слова об этом не сказали ни тогда, ни потом — вообще никогда. До того пакостно на сердце становилось.

Пришли к Анаконде, врубили музон, выпили, поболтали. Все у нас тем вечером сложилось хорошо: компания удалась, повеселились на славу...

Лишь в самом укромном уголке души тихо молила о помощи безымянная старушка. Просила сострадания и не находила отклика.

До сих пор просит...

